

Штамп 1: Материалы не подлежат открытой публикации до 07 октября 1996, ввиду возможного ущерба общественной нравственности. Дата: 07 октября 1946г.

Штамп 2: Разрешен ограниченный доступ. Дата: 08 октября 1996г.

Шестой фигурант
(третий допрос)

Дело 3302V-7.

Выписки из томов 8-11 (из этических соображений допрос ведет следователь - женщина)

Следователь: Вчера мы с вами закончили на получении жетонов. Их никак иначе нельзя было получить, чтобы без мучений?

Допрашиваемая: Да, в общем-то, на самом деле по-всякому было. Например, как-то двоим под Рождество сразу по два жетона отвалили. А меня после этого из казармы перевели. Это вот как было. Привели маму с дочкой. Мать симпатичная, с очень длинными волосами, молодая еще, а дочке вообще лет 10, не больше. Они совсем новенькие в лагере были, только что поступили. Эшелон из Польши прибыл, так кто-то из солдат сразу при разгрузке эту парочку ухватил. В гражданской одежде даже, переодеть их еще не успели. Почему-то даже через осмотр не прошли, так что себя еще никому тут не показывали. Порядков поэтому наших не знали. Что у женщины никаких запретных мест нет. Как нас увидели, то в ступор впали, из нас ведь половина - голышом.

Но долго им на нас любоваться не дали. Для начала стриптиз решили устроить. Велели матери юбку задрать. А та им: «говорит по-польски» [так в оригинале - пер.]. Ничего не поняли, конечно, и пощечину ей такую влепили, что она к стенке отлетела. Тут я решила встрять, тем более в казарме на хорошем счету была. Говорю: «Разрешите перевести?» Разрешили, даже обрадовались. Перевожу, что она не понимает, зачем платье поднимать. Ей со смехом в ответ: «Чтобы на панталоны твои посмотреть и качество шитья оценить». Ну а я ей еще от себя чуть добавила про наши порядки. Она подол приподняла и во все стороны еще повернулась. Покраснела только слегка - мужиков-то много и все на нее уставились. Штанишки на ней были чистые, светло-розовые, тонкие совсем, а подними резинки кружевные к шелковым чулкам. Видно, из богатой семьи, если такое белье. И ехала, должно быть, недолго, запачкать не успела.

«А теперь сиськи свои покажи!» Тут она вопросов никаких задавать не стала, поняла, к чему дело клонится, покраснела только сильнее. Пуговицы на блузке расстегнула и груди из бюстгальтера вынула. Лифчик на ней красивый был, тоже розовый, как штанишки, и в рюшечках. А груди большие и соски крупные, темные.

«Теперь панталоны снимай, а ты ее щелку нам покажи» - это уже ко мне обращаются. Я ей юбку подняла, чтобы солдаты видели, как она сама раздевается.

Потом спиной к ним повернула, нагнуться велела, ноги расставить, и ей ягодицы развела. Так что все перед ними, как на ладони. А солдатикам мало. Приказали ей на стол лечь и ноги задрать. Как только я перевела, она сразу все выполнила и ляжки широко развела, но только

двое-трое подошли на ее гениталии полюбоваться. Для них ведь не это главное было. На разные женские органы во всех ракурсах они уже выше крыши насмотрелись. Главное было - человека унижить, показать, что ты - дерьмо, а они - соль земли. Тем более она к такому обращению еще непривычна и видно было, как стесняется. А девочка вообще от полуголой мамы глаза отводит, вся красная стоит и готова, кажется, от стыда сквозь землю провалиться. Тут женщине велели со стола встать, дочку раздеть и во всех видах продемонстрировать. Она сразу на колени бухнулась: «Что угодно сделаю, только девочку не трогайте, она же маленькая еще!» Солдаты смеются: «Что угодно? И со всеми нами трахаться будешь? И вообще любой приказ с душой выполнишь?» Я ей это перевожу, а от себя добавляю, что зря она это говорит. Не для того, мол, их вдвоем в казарму привели, чтобы дочку в покое оставить. А она на мои слова внимания никакого не обращает. Надеется, что, если постарается, с девочкой как-нибудь обойдется. Поэтому прямо кричит: «Да, да, все сделаю!» «Хорошо, - один солдат говорит, - ползи ко мне. Только юбку не опускай». Сразу послушалась. Даже еще выше платье на спину задрала.

Ползет на коленях, да еще задницу выпятила, приподняла и нарочно ей из стороны в сторону шевелит. И груди опять выпростала, они раскачиваются, чуть пол не задевают. Как подползла, он ей пальцем на свою ширинку показывает. Без слов поняла. Сразу достала и сосать начала. Действительно с душой отсасывает, всю себя в это дело вкладывает. Язычком по члену всюду проводит, яйца руками поглаживает, а зад свой еще больше оттопыривает. Старается изо всех сил, а солдатик ей груди болтающиеся мнет. Так она старается, что себя даже завела. Промежность вверх поднята, а лампочка с потолка прямо туда светит.

Видно, как она там увлажнилась. Дочка в это время у стенки стоит, сжалась вся. Надеется, что о ней на самом деле забыли. На то, как мама унижается, старается не смотреть. В общем здорово она работала, так что минуты через три солдат уже кончил. Это в казарме чуть не рекорд был. Солдаты-то женщин без счета имели, не так просто было их до оргазма довести. А ей явно мало, сосать его продолжает, последние капельки слизывает. И с надеждой такой в лицо ему смотрит - может быть еще?

Он тогда ей в награду: «Пошла вон, шлюха затраханная! Надоела!» Я не только перевела дословно, но и сама ее от его колен отстранила. Они тогда опять на меня внимание обратили и у нее спрашивают: «Еще хочешь?». Как будто сами ее мокрую щель не видят. Она в ответ кивает и опять, дурочка, просит, чтобы дочку не трогали - мне так и не поверила. «Тогда ее полижи» - на меня показывают. «Она ведь женщина, а я никогда...» - «Дочкой твоей заняться что ли?» Пришлось ей и меня обслужить.

Я-то в лагере к лесбийской любви уже привыкла, это часто практиковалось. В этом ничего неприятного нет, куда лучше с ласковыми женщинами дело иметь, чем с грубыми мужиками. Я и до ареста на подруг своих иногда в этом смысле поглядывала. А если вдвоем в постели с кем-нибудь из них спать приходилось, от случайных прикосновений даже заводилась немного. Мне вообще кажется, что я в душе бисексуалка. Только унижительно, что тут у всех на глазах этим заниматься приходилось, под их оцупывание, их комментарии.

Разложили меня на кровати, ноги задрали, а зад к краю пододвинули. Она рядышком на колени встала и носом в меня уткнулась. Вид у нее по-прежнему такой же расхристанный был: юбка на спину задрана, блузка расстегнута. Так что груди и голая задница всем отсвечивают. Уткнулась в меня, лизать стала. Хоть ей, может, и противно было с женщиной

заниматься, но работала она хорошо. По всем губкам язычком проводила, во влагалище залезала. Даже ниже по перегородочке между двумя отверстиями прошла. Потом губами нежненько складочку какую-нибудь мне прихватывает и покусывает, потом чуть пососет, и другую. Так отлично свое задание выполняла, как будто от роду лесбиянкой была. Меня от этого забирать стало, я даже соски свои стала покручивать. Солдатики вокруг расположились, на нас смотрят, каждое движение фиксируют. Один кто-то решил вмешаться: «А клитор почему ей не бережишь? Не знаешь, где он находится?» А она же немецкого не знает, так что опять мне переводить пришлось. Хоть уже совсем не до разговоров было. Так что я одновременно и перевожу, и подергиваюсь, мне даже смешно от этого стало, чуть весь кайф не потеряла. А как по-польски «клитор», не знаю. Может быть, у них свое слово для этого есть. Пришлось по-немецки сказать, только произношение чуть изменила. Но она поняла, к нему пристроилась. Это уже последней каплей было. Я взвыла, извиваться стала и лобком ее по носу ударила. Да так ударила, что она отпрянула, за нос держится, а из него кровь идет. Мужики хохочут, им забавно смотреть, как она меня оттрахала.

Тут еще один зритель появился. Из туалета выходит, ремень на ходу застегивает: «Ребята, у нас что, туалетная бумага закончилась, что ли?» В ответ ржание, на нее показывают: «А это что, по-твоему? Тем более дочке ее будет интересно на твой сраный зад волосатый поглядеть». Он в ответ ухмыляется и штаны снимает, а она непонимающе на меня смотрит. Перевела, и насчет дочки тоже, она вздрогнула от этого.

Но к заднице его сразу приткнулась и все вокруг ануса вылизывать аккуратно стала. А он нарочно спиной к девочке повернулся, чтобы ей тоже видно было, как мать унижается. Когда уже чисто там стало, она отодвинуться хотела, но он не дал: «Мокро от твоих слюней, - говорит, - давай, сиськой протри». Хоть и трудно ей было грудь между его ягодиц просовывать, да еще ворошить там, но протерла, конечно, куда денешься.

Солдаты от всего этого представления уже заводиться начали. Так что решили по-серьезному за мать взяться. Раздевать догола ее не стали, и без того все видно хорошо, а в гражданской одежде им еще интереснее. Уложили опять спиной на стол, рядом дочку поставили, а сами в очередь выстроились мать насиловать. «Насиловать» - я ведь правильно говорю? С.: Да, конечно это изнасилование, я же вам говорила.

Д.: Так вот, насируют, а сами в это время на дочку смотрят, как она реагирует. И щупают девочку всюду. За шиворот ей забираются, под юбку. Не только тот, кто маму трахает, зрители тоже. Мне тоже работа нашлась - возбуждать того, кто с матерью занимается, чтобы у него раньше времени член не обмяк. Это всегда им надо было делать - пенис тереть, мошонку поглаживать, палец в задницу засовывать - так что занятие привычное.

Ну а мать, видя, что к ребенку пристают, протестовать было решила, хоть я ее обо всем этом предупреждала. Но надолго ее не хватило, так ей сосок вывернули, что сразу замолчала. Сама она и до этого уже возбуждена была, ей всего чуть-чуть не хватало. Так что у нее почти сразу оргазм начался. Длительный такой. Ее трахают, а она все время подвывает, глаза закатила. Шея даже побагровела, по лицу пот катится. Дочка на это с ужасом глядит, не понимает, что с мамой происходит.

Человека два только по ней прошли, а дочка уже в таком же полураздетом виде, как мать, оказалась. Подол под поясок завернут, панталончики на колени спущены, платье до пояса расстегнуто и в стороны раздвинуто. Штанишки у нее тоже чистые и красивые, как у матери.

Только не розовые, а светло-сиреневые, кружевные. Комбинация еще на ней одета, того же цвета и тоже шелковая, комплект, должно быть, а бюстгалтера нет. Он ей и не нужен, груди еще не выросли, только остренькие сосочки вперед торчат. Лобок тоже голенький совсем, прозрачный пушок вместо волосиков. Видно, что губки там толстенькие, плотно сомкнутые, а разрез высокий.

Когда девочка в таком виде оказалась, у солдат пропало желание с матерью заниматься. Так что ее со стола согнали и дочку туда кинули. Родительница, хоть я ее и раньше предупреждала, опять на колени кинулась, заверещала: «Я же все для вас делала, даже зад вылизывала, а вы же взамен обещали ее не трогать...» и так далее. Я ее спрашиваю: «Переводить? Хуже может быть?». Она меня не слушает, дальше причитать продолжает. Пришлось перевести, тем более за мой вопрос ей на меня уже подозрительно покосились. В ответ сапогом ей по промежности со всей силы дали. Она упала, скорчилась, за гениталии свои схватилась. А как замолчала, приказали ей к столу подойти, самой ноги дочке развести, да наверх задрать. Послушалась, конечно. Как щелочка раскрываться стала, девочка сразу обеими руками ее прикрыла, покраснела и так напряглась, что даже пукнула.

А они с серьезными лицами обсуждать стали, девственница она, или шлюха, как мама, раз так пердит. Обсуждали, конечно, чтобы мать еще больше унижить, мне все дословно переводить велели. Потом матери велели руки дочери от щелки убрать. Еле она справилась, так та за свои органы ухватилась. По одному стали к девочке подходить, во влагалище заглядывать, ковырять там и определять, порвана плева, или нет. Причем один говорил, что девственница, другой якобы не соглашался. Большинством голосов все же решили, что девочка еще не тронута.

Тогда жребий кинули, кто ее девственности лишит. Выпало Генриху, а он всегда какие-то извращения придумывал. Я сразу тогда поняла, что обычным изнасилованием ребенок не отделается. Так и получилось.

Для начала ей глаза завязали, чтобы не понимала, что происходит. Потом на стул посадили, лицом к спинке, наручники одели, а щиколотки к сиденью веревкой прикрутили. Затем уже Генрих разделся, на этот стул под нее залез, а ее скованные руки завел вокруг своей шеи. Получилось, что она как раз на члене с раздвинутыми ногами сидит, да солдата при этом обнимает. Девочка, как все это почувствовала, вырваться попыталась, завопила: «Мама, помоги!» Я перевела, они засмеялись. А мать даже подойти к ней не решилась.

Правильно, кстати, сделала.

Только тут промашка вышла. Когда Генрих раздевался, у него еще кое-как стоял, а как на стул забрался, то все - половина шестого. Велено было матери самой между его ног залезть и ртом подрочить. Она честно старалась, но все равно ничего не получилось, только еще одну трепку ни за что заработала. Генриху под общий хохот вылезать пришлось.

Второй раз жребий бросили. Удачнее. У того, кто под девочку забрался, хорошо поднялся. А вот Генрих на дочке за свой промах отыгаться решил. Плетку взял и давай девчонку по заднице лупить. Она кричать стала, запрыгала вверх-вниз. В первые же прыжки сама на член и нанизалась. Правда, мать в этом помогла. Ей приказали внизу около стула оставаться и пенис куда надо направлять. Так что, можно сказать, мама сама дочку свою девственности лишила. Меня ей слушать надо было, подготовиться хоть как-нибудь они тогда сумели бы. Так что в девочку уже член воткнут, но Генрих стегать все равно продолжает. А она от ударов плетки даже боли в промежности, наверное, не чувствует. Ни от порванной плевы, ни от того,

что влагалище короткое и матка вероятно разрывается. Во всяком случае, хоть кровь оттуда и течет, прыгать вверх-вниз в такт ударам продолжает. Солдат на стуле сидит, ему хорошо, шевелиться даже не надо, девчонка сама его оттрахивает. Только когда кончать стал, встрепенулся и сам несколько движений сделал. Потом другой его заменил, а мать по-прежнему помогала. Так через нее человек 6-7 прошло, пока девчонка сознание не потеряла. Обмякла сразу и на очередном солдатике повисла, никакая плетка не помогла. Но вознаграждение хорошее нам всем было - 5 жетонов. По два они получили и один мне достался - за знание языков.

Но для меня главное не жетон был, а то, что на меня внимание обратили, как на переводчицу хорошую. Каким-то боком начальство об этом узнало и долго решало, что со мной делать. Через неделю решили, наконец. Отвели в управление, целый день проверяли, как я знаю идиш, русский, чешский, венгерский, южнославянскую группу. Кажется, еще что-то. Кучу заключенных для этого из барачков вызывали. К вечеру закончили, довольны остались. И на этом моя казарменная жизнь окончилась, на «повышение» пошла. Итого, в сексуальных прислугах около месяца была, а с Рождества стала переводчицей в отделе конфискации.

С.: А с девчонкой что было? Выжила после того, как столько солдат через себя пропустила?

Д.: Выжила, еще как! Через день уже как огурчик была. Только оголодали они с матерью очень. И спектакли вдвоем стали устраивать. Если хорошо получалось, жетоны им за это доставались.

С.: «Спектакли»?

Д.: Да. Мать дочку солдатам представляла. Она десятка два слов по-немецки выучила, в основном нецензурных. Таким уж обучили. Главным образом, как у женщины разные части тела называются. Сама, похоже, не знала, что это ругательства. Тем смешнее спектакли проходили. Дочь за руку держит, и к солдату какому-нибудь подводит: «Мы есть два подзаборный перетраханый шлюха.

Будешь «...» наши «...»?» Девчонка еще одета при этом кое-как. А мамаша уже к спектаклю подготовилась. Пуговицы на блузке расстегнуты до самого низа, грудинаружу вывалены, юбка выше пояса поднята. Панталоны так приспущены, что над ними край чулок виден. А рукой она солдатике еще свою мохнатку показывает.

Смеются обычно на ее немецкий, машут ей, давай мол, начинай.

Тогда она на девчонку свою переключается. Платье ей задирает, штанишки снимают все время лопочет. Показывает, где у девчонки щелка расположена, да из каких частей состоит. Предлагает при этом: попробуйте, мол, какая у нее дырочка узкая и вкусная. Сама-то при этом думает, что ласково все дочкины прелести называет. На самом деле последняя проститутка постеснялась бы слова все эти произнести. А девчонке, даром что через столько уже прошла, по-прежнему стыдно. Краснеет и все загородиться пытается, солдатам это нравится. Мать тогда руки ее от укромных мест отводит и дочку еще откровеннее оголяет. На стол или солдатам на колени ее кладет, ноги разводит и опять-таки всех приглашает: «Пожалуйста, «...» е. «...» моей дочь всегда очень рад вашему «...» «...». А уж если кто из солдат готовность изъясляет, сама его член достает, в девчонку заталкивает. Да еще трахать помогает, грудями, например, об него обжимается. И следующего кандидата в это время зазывает. Если же сразу найти партнера для дочки не получается, то по всей казарме ее водит. Перед каждым солдатиком останавливается и

начинает ее раздевать, нахваливая. Как малейшее внимание на них обратят, еще лесбийский спектакль устраивает. Девочку как-нибудь так устроит, что весь ее бутончик перед зрителем раскрыт. Сама же над ее ртом приседает и лизать велит. Девочка вся пунцовая от этого - и за себя, и за мать стесняется, но слушается. А родительница от ее детского язычка вся в раж входит. Перед солдатиком грудямитрясет и кончает. По-настоящему кончает, не симулирует, сразу видно. Так что выжили они в казарме. И неплохо устроились, жетоны часто получали.

С.: А вас, значит, перевели в отдел конфискации?

Д.: Да, но там атмосфера просто ужасная была, с казармой никак не сравнить. Солдатики все же нормальными людьми в основном были. Ну любили потрахаться, на голых баб посмотреть, в "..." им заглянуть. Ну издевались над женщинами немного. Но как-то все в людских рамках было, без крови почти, без убийств.

С.: А "велосипед"?

Д.: "Велосипед" все-таки не в счет, он же для развлечения был, не для пытки.

Когда сама в казарме была, всего этого не чувствовала. Казалось - унижали ужасно нас, человеческое достоинство ни во что не ставили. Только потом поняла, что куда хуже может быть. Вот в конфискации совсем по-другому было...

Задача отдела этого ведь какая была - обыскать прибывающих заключенных и изъять все ценности. Главным там был штурмбаннфюрер Вельтов. Так он дело так поставил, что всем занимались не солдаты, а зеленые.

С.: Уголовники?

Д.: Да, зеленые треугольники [зелеными треугольниками, пришитыми на левой стороне груди и правом колене, обозначались уголовники - пер.]. Мужики, конечно. Пруссаки, австрийцы в основном. Их из 7-го, мужского, барака отбирали по принципу, кто больше других злодей. Самых отпетых только. Если на человека кто похож был, то не подходил. И хари поэтому у них всех были какие-то мерзкие. Вы Ломброзо читали?

С.: Нет, только слышала.

Д.: А жаль. Он прав был - вся внутренняя сущность снаружи отображается. Зеленые эти были все перекошенные, с разными глазами, небритые постоянно. Зато изуверства в них... И вот таким - полная власть над беззащитными женщинами. Представляете? Я же должна была этим выродкам помогать, переводить. А они-то и по-немецки двух слов связать не могли. Поэтому все разговоры на мне были. Как толпу к отделу пригонят, я должна была к ним выйти. Объяснить, что все ценные вещи: деньги любые, кольца, серьги, цепочки, - надо персоналу добровольно сдать. Иначе плохо будет. Прятать ни в коем случае нельзя. И если коронки, зубные мосты у кого золотые или платиновые, тоже самим сказать об этом. Но, к сожалению, не очень ко мне прислушивались. Считали, что я, хоть и в лагерной одежде, тоже одна из их мучителей.

С.: Вы сказали "коронки", Их у живых тоже сдирали?

Д.: Да, у тех, кого из отдела прямиком в газовую камеру отправляли. Причем грубо очень вырывали. Не стоматологическим инструментом, пассатижами. С зубами вместе. Пассатижи всегда грязные, в крови засохшей. Но если бы только это...

С.: А что еще? Расскажите подробнее, ведь по этому отделу вы у нас самый ценный свидетель - сами все видели.

Д.: Там 4 больших комнаты было. Если небольшая группа поступала, только в одном помещении их осматривали. А если эшелон приходил, то сразу во всех, да еще по два

дополнительных места в каждой комнате организовывали. Тогда я все время как угорелая по отделу должна была метаться. Только и слышно: "Айрин, иди сюда! Вайсур, ко мне, заснула что ли?! Айрин, сука, сколько еще тебя ждать?!" И так все время.

Но сначала я расскажу, что по инструкции они должны были с заключенными делать, хорошо?

С.: Да, конечно.

Д.: Женщину вызывают и она должна сначала добровольно ценности свои предъявить и отдать, если они есть, конечно. Потом она перед конфискаторами разоблачается. По одной вещи снимает, им на проверку отдает. Их задача - все шовчики ощупать, в карманы залезть, обувь особо осмотреть - вдруг спрятано что-нибудь. Когда она уже совсем догола разделась, ей рот проверяют, волосы, уши. Затем на гинекологическое кресло сажают. Если кресло занято, так бывает, когда много народа сразу, то стулья еще стояли без сидений.

У этих стульев передние ножки нарастили и они с таким наклоном получились, что только прислоненные к стенке держались. Так что она с раздвинутыми ногами или в кресло, или на такой стул усаживается. Там в нее зеркальный расширитель с подсветкой вставляют. Сначала во влагалище, потом в прямую кишку. Смотрят -не припрятано ли там чего. Расширители, кстати, тоже грязные все были, в кале, выделениях всяких. Их даже не споласкивали, сразу из одной женщины в другую вставляли. А затем, после осмотра этого - нашли, не нашли, все равно должны выдать лагерную одежду и отпустить, а конфискованные ценности сдать.

Но так хорошо и спокойно только в теории было. Найденное-то они сдавали, куда денутся. А вот что касается раздевания, а особенно - отпустить, все по-другому было. Главным образом с теми, кого в газовую камеру определили, еврейками в основном. Вроде бы раньше, года до 44-го им запрещалось насиловать расово неполноценных, черную каемку можно было получить. [Черная кайма, нашитая вокруг треугольника обозначала расовое осквернение, каралось особенно жестоко- пер.]

Но еще до того времени, что я в отделе оказалась, начальство какое-то перерешило.

Поскольку жить им от силы часа два-три осталось, можно с ними что угодно делать. Совсем что угодно, ограничений никаких абсолютно. Этим-то зверям - и никаких ограничений!

Представляете? Молодым и красивым еврейкам особенно плохо приходилось. Или тем, кто спрятать что-нибудь пытался... Что с ними только не делали! То, что насиловали, так это еще пол беды, женская участь всегда такая была... Но ведь до смерти замучивали!

С.: Я чувствую, сейчас начнутся самые кошмарные истории. Давайте мы прервемся, мне сегодня уже больше не выдержать.

Д.: Давайте прервемся. До свидания.